

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ХУННСКИХ ТРАДИЦИЙ С ВОСТОКА НА ЗАПАД (и с запада на восток?)

Вопрос о связях между центральноазиатскими хунну (сюнну) и восточноевропейскими гуннами, несмотря на большое количество посвященных этому работ, остается дискуссионным. В статье на основании археологических источников, рассматриваемых в историческом контексте, он решается положительно; устанавливается следующая последовательность его рассмотрения. Обосновывается понятие «хуннской триады» (определенные виды вооружения, украшений, бронзовые котлы), характеризующей ранжированную воинскую субкультуру хунну. Рассматриваются культурные особенности ближайшего окружения этносоциального объединения Хунну – Тува, Минусинская котловина, Горный Алтай (условно – «Ближний круг»). Приводятся археологические данные о распространении носителей этого культурного комплекса на территорию Западной Сибири (по Л.Н. Гумилеву), а именно саргатской культурно-исторической общности (условно – «Дальний круг»), ставшей местом исхода потомков хунну/гуннов при движении на Запад. Прослеживается сохранение элементов воинской субкультуры хунну в материалах восточноевропейских кочевников (по И.П. Засецкой), с заменой знаковых видов украшений – бронзовых изделий на изделия полихромного стиля. Впервые ставится вопрос о возможности «обратного» движения гуннов в сторону Центральной Азии, прослеживаемого по проявлениям прежних традиций, в первую очередь, по находкам полихромных изделий в ряде памятников Восточного Приуралья и Казахстана, Западной Сибири и Алтая.

Ключевые слова: хунну, культура, лук, котлы, украшения, ранжированный комплекс, традиция, Западная Сибирь, Алтай

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-03

Введение

«Гуннская проблема, центральное место в которой занимает вопрос о соотношении между сюннами востока и гуннами запада степного пояса Евразии, привлекает к себе внимание исследователей уже на протяжении более чем 250 лет. Авторами многочисленных и часто взаимоисключающих гипотез мобилизованы практически все прямые и косвенные данные письменных источников, широко используются также доступные археологические материалы, но окончательного решения ее не имеется», – писал более 40 лет назад в статье «К гуннской проблеме» А.М. Мандельштам [1975, с. 229]. Названия многих работ в отечественной науке – «Хунны и гунны» [Иностранцев, 1926], «Очерк истории гуннов» [Бернштам, 1951], «Хунны в Азии и Европе» [Гумилев, 1989], «Гуннская держава на востоке» [Кляшторный, 1989], «Хунны и гунны» [Боталов, 2003] и др. – свидетельствуют о непреходящей актуальности этой проблемы и отсутствии ее однозначного решения.

Несмотря на различие подходов и приводимых материалов, главная позиция всех подобных исследований так или иначе остается неизменной: как нет оснований говорить о непосредственной преемственности азиатских хунну и европейских гуннов, так и нельзя отрицать наличия каких-то связей между ними. Нужно только уловить ведущую «ниточку» этих связей и представить те возможные формы передачи, благодаря которым они осуществлялись, что и составляет задачу настоящей работы. Главным источником в данном случае являются археологические материалы, соотнесенные с различными периодами этнополитической истории Хунну.

Ближе всего к такой постановке вопроса подошла И.П. Засецкая [1994, с. 152–154, табл. 36–37; рис. 6.-20–22], лучший специалист по археологии европейских гуннов IV–V вв., выделившая при всем различии культур азиатских хунну и восточ-

ноевропейских гуннов в материалах последних несколько категорий вещей хуннуского происхождения – бронзовые котлы; хуннуский лук, уже получивший широкую известность; некоторые виды наконечников стрел. Важно отметить, что все они, включая бронзовые котлы, относятся к элементам ранжированной субкультуры воина-всадника. В другой, более ранней работе И.П. Засецкая [1982, с. 73] писала, что «...дальнейшее изучение в направлении поисков происхождения отдельных категорий вещей из памятников Восточной Европы гуннской эпохи, возможно, позволит выявить и другие черты сходства в культуре этих двух племенных объединений, а также проследить пути и этнокультурные связи хунну на промежуточном этапе их истории, т.е. с момента ухода хунну из Центральной Азии и до экспансии гуннов в Восточную Европу».

По сути дела, здесь сформулированы две задачи: одна из них – поиски еще каких-то «общих» категорий вещей, на что, учитывая современное состояние источников, уже вряд ли можно надеяться; другая – изучение заполнения культурного пространства, где так или иначе проявляется влияние хуннуской традиции, распространившейся столь далеко с востока на запад, а также, по мере возможности, выявление основных участников этого процесса.

При этом *a priori* нужно принять несколько положений, позволяющих еще раз обратиться к рассмотрению данного вопроса.

1. О существовании специфического комплекса предметов ранжированной, социально обусловленной воинской субкультуры хунну: лук; определенные типы наконечников стрел; бронзовые котлы; некоторые (знаковые) виды украшений, образующие своего рода «хуннскую триаду», включенную в состав культуuroобразующих элементов других местных культур (наподобие существовавшей ранее «скифской триады»).

2. О хунну, как наиболее вероятных и, скорее всего, единственных восприимчивых и распространителях китайских (ханьских) вещественных ценностей (зеркала, монеты, лаковые изделия). Привлечение этих материалов, с одной стороны, расширяет возможности изучения влияния хунну за пределами их основного расселения; с другой – «размывает» возможности решения поставленной задачи. В настоящей работе они намеренно не рассматриваются.

3. О признании этих и некоторых других элементов культуры, как собственно хуннских, так и передаваемых ими в качестве реципиентов на западе, в качестве именно хуннских (в широком этносоциальном значении этого понятия), а не просто «центральноазиатских».

Хунну

Культура хунну/сюнну – это государственная культура, сложившаяся в рамках полиэтнического (имперского?) образования, изначально свойственная собственно хунну как основным ее носителям, но затем получившая более широкое (внеэтническое) содержание, при сохранении основной – генерирующей – парадигмы хуннуской культурной традиции. Для начального периода формирования культуры (по наиболее близкому к истине определению А.А. Ковалева [2002] это Внутренняя Монголия) уместно китайское наименование *сюнну*; для центральноазиатского ареала распространения данной культурной традиции и сопредельных территорий – общепринятое *хунну*; для восточноевропейского вектора дальнейшей экспансии – *гунны*.

Рассматривая этнополитическую историю Хунну как уже сложившегося этносоциального объединения – основного источника всех культурных инноваций конца I тыс. до н.э., можно считать, что наиболее активное начало этого процесса было связано с событиями последней четверти II в. до н.э. (при императоре У-ди), когда хунну потерпели сокрушительное поражение от Китая и были оттеснены на север из своих

традиционных земель. В 127 г. до н.э. под давлением войск китайских полководцев Вэ-цина и Хо Цюй-бина хунну потеряли Ордос, захваченный ими еще в 205–204 гг. до н.э. создателем хуннского племенного союза Маодунем. В 120–119 гг. до н.э. центр государства Хунну переносится в Монголию, после чего «к югу от пустыни (Гоби. – Д.С.) уже не было ставки их правителя» [Таскин, 1968, с. 55]. Иначе говоря, северная граница государства Хунну стала теперь его южной границей или, по Л.Н. Гумилеву [1993, с. 83], «...границей между Китаем и Хунну стала пустыня Гоби».

Никаких письменных свидетельств применительно к этой северной территории владений Хунну уже нет; приходится опираться только на археологические материалы. Но они там чрезвычайно выразительны. Именно в Северной Монголии сосредоточено основное количество всех уже известных, в том числе раскопанных и еще не раскопанных памятников культуры хунну. По данным Д. Цэвээндоржа [1996, с. 13], в общей сложности в Монголии открыто около 3000 погребений хунну; на территории соседнего Забайкалья – 370. Ц. Турбат [2004, с. 134, рис. 1] в своей монографии о рядовых погребениях хунну использовал материалы 174 погребений с весьма характерным обрядом захоронения и устойчивым набором сопроводительного инвентаря; все они происходят с территории Северной Монголии. Здесь же находятся наиболее известные захоронения хуннских шаньюев или представителей хуннской правящей династии – в Ноин-Уле, Ильмовой пади, Дырестуйском култуке, пади Царам и др. (своего рода «Геррос» элиты хуннского общества). Все они датируются в пределах конца II в. до н.э. – I в. н.э. По счастливому стечению обстоятельств с этим временем совпадает начало первого выпуска монет *у-шу* (118 г. до н.э.), что дает дополнительные основания для датировки памятников, где найдены такие монеты, в том числе и за пределами основной территории расселения хунну.

Ближайшей областью, включенной в сферу социального и культурного влияния хунну, было Забайкалье, ставшее северо-восточной частью государства Хунну. Согласно заключению Н.Н. Крадина, «Забайкалье являлось северным пограничным форпостом Хуннской империи. Здесь обитала одна или несколько периферийных групп, ... входивших в состав имперской конфедерации» [Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 86]. А.В. Давыдова [1995, с. 59], автор монографически исследованного Иволгинского комплекса (городища и могильника хунну), считала, что «...на первых этапах значение городища было преимущественно военным, но в дальнейшем роль поселения вышла за эти рамки». Уже из этого региона – Северная Монголия, Забайкалье – происходило дальнейшее освоение территории Саяно-Алтайского нагорья (Тува, Минусинская котловина, Горный Алтай). В контексте рассматриваемой проблемы вместе они могут быть определены как «Ближний круг».

Процессам культурогенеза, происходившим в результате включения Саяно-Алтайского нагорья в состав государства Хунну, посвящено уже много специальных работ [Мартынов, 1996; Худяков, 1998; Бобров, Васютин А., Васютин С., 2002; Тишкин, Горбунов, 2006; и др.]; в каждой из указанных областей – Тува, Минусинская котловина, Алтай – они происходили по-своему.

Ближний круг

Тува. На территории бассейна Верхнего Енисея следы пребывания хунну (или близких к ним в культурном отношении племен) до сих пор известны только в одном районе – это Центральнo-Тувинская котловина, точнее – северная ее часть, примыкающая к южным отрогам Западных Саян. Это единичные фрагменты глиняных сосудов, определенным образом орнаментированных, и отдельные украшения [Кызласов, 1979, с. 81–83],

свидетельствующие об их хуннском происхождении, но в целом малоинформативные. В 1965 г. на могильнике Урбюн-III было открыто впускное захоронение в каменном ящике с характерным хуннским инвентарем (керамика, костяные наконечники стрел с раздвоенным основанием, накладки лука хуннского типа). На поясе погребенного находилась бронзовая пластина с изображением сцены борьбы тигра и ушастого грифона – первая из находок такого рода на территории Тувы [Савинов, 1969]. По заключению С.С. Миняева [1980, с. 30], производство ее связано с Джидинским (Забайкальским) металлургическим центром. Ближайшие аналогии ей находятся в Ордосе [Руденко, 1962, рис. 57е].

Показательно, что урбюнская пластина, сильно потертая, сломанная еще в древности и положенная в специально сделанную по ее форме деревянную основу, очевидно, долгое время была в употреблении и в материалах урбюнского захоронения представляла собой уже нечто вроде раритета. Можно предполагать, что изготовление (или первые копии) этого изделия связаны еще с пребыванием хунну в Ордосе, а в Туве она является первым сигналом о вхождении данной территории в состав владений Хунну, т.е. после 120 г. до н.э.

Тогда же на могильнике Бай-Даг-II были исследованы несколько крупных погребальных сооружений с трапезиевидными пристройками (типа ноин-улинских дромосов), но не углубленных, а отмеченных на уровне древней поверхности по контуру кладкой из каменных плит. На дне глубоких могильных ям в них находились захоронения в деревянных гробах («гроб в срубе»), украшенных железными пластинами и золотой фольгой. Эти особенности обустройства хуннских захоронений зафиксированы и письменными источниками: «Для похорон употребляют внешний и внутренний гроб, золото и серебро...» [Таскин, 1968, с. 40]. Все они оказались ограбленными, но сохранившиеся вещи (керамика, металлическая посуда, костяные накладки лука, отдельные виды украшений), как и конструктивные особенности всего сооружения, не вызывают сомнения в их принадлежности хунну достаточно высокого ранга. «Таким образом, – заключает А.М. Мандельштам, – мы имеем теперь прямое и бесспорное свидетельство археологии в том, что какая-то группа сюнну обитала на территории Тувы» [Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 55].

Вместе с тем, по сравнению с Ноин-Улой и другими погребениями хуннских шаньюев, курганы могильника Бай-Даг-II отличаются меньшими размерами и явной «вторичностью» исполнения, что можно трактовать двояко. Или, как считает Н.Н. Николаев [2002, с. 202], «...хуннские погребения Бай-Дага-II появляются в тот момент, когда хуннская традиция уже пережила пик своего расцвета»; или это свидетельствует о более низком социальном статусе лиц, погребенных в Бай-Даге-II (своего рода «иллюзия» элитного захоронения высшего ранга), что кажется более вероятным. Где-то поблизости могла находиться ставка хуннского наместника на Верхнем Енисее, а, следовательно, обитать довольно значительная группа населения, в культурном отношении наиболее близкая хунну.

Последнее предположение подтверждается блестящими открытиями последних лет на могильниках Ала-Тей-I и Терезин в том же районе Улуг-Хемской котловины большой серии неограбленных захоронений в грунтовых ямах и каменных ящиках (т.е. по устройству внутримогильных сооружений, отличных от хунну). В составе сопроводительного инвентаря здесь представлена самая значительная из всех известных в настоящее время не только в Туве, но и на сопредельных территориях коллекций хуннских художественных бронз, в том числе пряжек с разнообразными композициями, а также копии китайских (ханьских) зеркал, монеты и пр. Установленная дата могильников Терезин и Ала-Тей-I – 2-я половина II – I в. до н.э. Выделение на этих

материалах самостоятельной улуг-хемской культуры, в свое время предложенное, но недостаточно аргументированное А.Д. Грачом [1971, с. 99], теперь получает весомое подтверждение [Килуновская, Леус, 2018, с. 126–127, 149].

Исходя из всего сказанного, можно предполагать, что на территории Северной Тувы находилась резиденция (?) одного из представителей династии хуннских шаньюев. Очевидно, там, как и в Забайкалье, обитала какая-то группа хунну и ближайших к ним по культуре племен. Скорее всего, именно оттуда происходило дальнейшее распространение хуннских культурных традиций в соседнюю Минусинскую котловину (по Саянскому каньону Енисея до нее оставалось немногим более 200 км).

Минусинская котловина. Примерно в то же время и в контексте тех же исторических событий на Среднем Енисее появляются новые группы населения, явно знакомые с хуннской культурной традицией, но не хунну. Представленная ими культура, отличная от предшествующей – тагарской, определена нами как культура тесинских грунтовых могильников, относительно синхронная и каким-то образом связанная с названной выше улуг-хемской. Поскольку анализу и интерпретации материалов тесинских грунтовых могильников посвящена отдельная монография – «Минусинская провинция хунну» [Савинов, 2009] – только кратко остановимся на некоторых важных для раскрытия данной темы моментах.

Погребений собственно хунну типа могильника Бай-Даг-II, в отличие от Тувы, не обнаружено, хотя присутствие хуннского компонента в вещественных материалах очевидно. Погребальные сооружения достаточно разнообразны: каменные ящики, грунтовые захоронения, круглые ритуальные постройки из горизонтально положенных плит. Керамика сохраняет прежние (тагарские), но сильно упрощенные формы и, как правило, не орнаментирована. Все предметы домашнего обихода, в отличие от тагарских, сделаны из железа (ножи, пряжки и др.). Количество бронзовых художественных изделий в погребениях значительно меньше, хотя общее число хуннских бронзовых пряжек, найденных на Среднем Енисее, довольно значительно: по сводке М.А. Дэвлет [1980] – 84 экз.

Большинство подобных изделий происходит из кладов на северо-западной окраине Минусинской котловины – Июсского [Бородовский, Ларичев, 2013] и Косогольского [Нащекин, 1987]. Спектральный анализ показал, что «... большинство изделий из Косогольского клада, датированных II–I вв. до н.э., изготовлены в Минусинской котловине» [Миняев, 1978, с. 43] и «... только 7 пластин, найденные в Южной Сибири, по химическому составу связываются с забайкальско-монгольскими очагами хунну. Остальные же являются репликами местных мастеров хуннских импортных изделий» [Миняев, 1980, с. 31]. Судя по всему, последовательность сложения данной системы этносоциальной зависимости устанавливается следующим образом: Забайкалье – Тува – Минусинская котловина. Сам факт сокрытия в виде кладов такого количества бронзовых изделий свидетельствует не только об их значимости на «севере», но и об опасности военного или какого-то иного катаклизма на «юге».

Очевидно, что на Среднем Енисее находилось этнокультурное образование, названное нами «Минусинская провинция хунну», в культуре которого по-своему сочетались и адаптировались местные традиции и привнесенные черты нового культурного комплекса, выразившиеся прежде всего в разнообразии погребальных сооружений, повсеместном использовании железа, появлении бронзовых художественных изделий, упрощении до минимума керамической традиции. Похожая ситуация, вероятно, складывается на территории соседней Кузнецкой котловины, но там этот процесс носил более приглушенный характер. Происхождение этого нового – услов-

но тесинского компонента пока остается неясным, но его формирование происходило в непосредственной близости (и под влиянием) государственной культуры Хунну.

Алтай. Особая ситуация складывалась на Алтае. Погребения «гунно-сарматского» времени там достаточно многочисленны (могильники Булан-Кобы-IV, Сары-Бел, Белый Бом-II, Усть-Эдиган, Чендек, Кальджин-6, Верх-Уймон и др.). Обобщение их (до начала раскопок могильника Яломан-II) дано в монографии В.И. Соёнова [2003]. Чем-либо выделяющихся погребений среди них нет. Сопроводительный инвентарь, если в нем не представлены хорошо «узнаваемые» предметы хуннского облика, в целом маловыразителен и каких-то особых, в плане рассматриваемой темы, признаков не содержит. Согласно существующей периодизации, все они относятся к одной – булан-кобинской археологической культуре с разделением ее на три последовательных этапа от II в. до н.э. до V в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2006]. Эталонным памятником для Алтая может считаться могильник Яломан-II, раскопки которого производились в течение ряда лет (2002–2003, 2007 г. и сл.), впервые представивший наиболее яркие и достоверные материалы о вхождении оставившего его населения в состав государства Хунну [Тишкин, Горбунов, 2003; 2005; 2006 и др.].

Погребения «гунно-сарматского» времени в Горном Алтае достаточно разнообразны по обряду захоронения: преобладают погребения в грунтовых ямах в обкладке из каменных плит, но есть и отдельные захоронения в каменных ящиках, деревянных рамах/колодах (типа хуннских); с сопроводительным захоронением коня [Соёнов, 2003, рис. 13, 14, 22 и др.]. Имеются основания относить некоторые из них к местным племенам, непосредственным потомкам прежнего населения пазырыкской культуры, сохранившим свое культурное и этническое своеобразие и в хуннское время.

«Первой ласточкой» появления хунну на Горном Алтае можно считать находку фрагментов типично хуннской керамики в ограбленном кургане пазырыкской культуры на могильнике Узунтал-I в 1973 г. [Савинов, 1978, рис. 3]. Имеются все основания полагать, что ограбление этого кургана (а возможно, и многих других) было произведено хунну. Позже, в 1981 г. такой же случай повторился при раскопках могильника Уландрык-V [Кубарев, Журавлева, 1986, с. 119, прим. 2].

В историческом плане это можно связать с поражением, которое потерпели *юечжи*, ассоциируемые нами вслед за С.И. Руденко с пазырыкской культурой в широком ареале ее распространения, от хунну, разрушивших столицу юечжей в Турфане в 165 г. до н.э. Эта победа, во-первых, открыла для хунну возможность продвижения по Великому шелковому пути (тот самый «путь на Запад»). Во-вторых, может являться хроноиндикатором исчезновения Больших (или «царских») курганов на Алтае. Действительно, самые поздние из них (по М.П. Грязнову, шибинский этап) датируются приблизительно этим же временем. Однако это не означает исчезновения пазырыкской культуры как таковой: десятки и сотни т.н. «рядовых» курганов продолжали возводить.

С рассматриваемой темой связано одно из самых значительных открытий В.Д. Кубарева на Алтае. Это керамические печи для обжига хуннской керамики, открытые им в 1978 г. на р. Юстыд [Кубарев, Журавлева, 1986]. Серия найденных там (во фрагментах и реставрируемых) типично хуннских глиняных сосудов – вазообразных с волнистым орнаментом и горшковидных – весьма значительна [Кубарев, Журавлева, 1986, рис. 5–10], что говорит о хорошо налаженном производстве такой продукции. По мнению В.Д. Кубарева, поселение на Юстыде, с которым должны быть связаны эти печи, «являлось северо-западным форпостом хуннов... Работали здесь, несомненно, гуннские мастера» [Кубарев, Журавлева, 1986, с. 118]. Произведенная ими керамика

могла предназначаться как для жителей этого поселения (или поселений?), так и для каких-то обменных операций по одному из ответвлений Великого шелкового пути.

Первые находки хуннских бронзовых художественных изделий были сделаны в погребениях того же времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) на могильнике Яломан-II [Тишкин, Горбунов, 2003]. Материалы этого замечательного памятника, насчитывающего десятки погребений, еще полностью не опубликованы; судить о нем можно по предварительным сообщениям и специальным исследованиям, посвященным отдельным категориям находок, в том числе художественным бронзам [Тишкин, 2010]. Найденные там изделия [Тишкин, 2010, рис. 1, 5, 19 и др.], судя по всему, отличаются небольшими размерами в сравнении с минусинскими и, скорее всего, представляют собой уменьшенные копии таких оригиналов (или вотивные изделия).

Разнообразии этих памятников позволяет предполагать, что этнокультурные процессы в Горном Алтае, связанные с распространением Хунну после перенесения их ставки в Монголию, отличались особой сложностью. Очевидно, одновременно существовали и собственно хунну, изготавливавшие свою керамику на Юстыде; и – по отдельным долинам Алтая – многочисленные местные племена, испытывавшие влияние хунну; и какое-то новое население, носители той же хуннской традиции, но не хунну. Место исхода этого нового населения (во всяком случае, до полной публикации материалов могильника Яломан-II) определить трудно. По некоторым признакам (большая скученность погребений на ограниченной площади, способ кладки округлых наземных сооружений из горизонтально положенных плит, небольшое количество бронзовых художественных изделий) погребения могильника Яломан-II напоминают тесинские грунтовые могильники Минусинской котловины. Не исключено, что на каком-то раннем этапе культуругенеза их создатели соприкасались

Образовавшаяся таким образом алтайская провинция, наряду с минусинской и (условно) тувинской, образуют единый саяно-алтайский (или южносибирский) ареал распространения культурных традиций Хунну в рамках созданного ими этносоциального объединения. Собственно хунну занимали в нем наиболее важные в стратегическом отношении районы – север Центрально-Тувинской котловины (для дальнейших походов на север) и южные районы Алтая (для дальнейших походов на запад). В остальных областях, по-видимому, расселялись какие-то инокультурные племена, подчиненные хунну и испытывавшие сильное влияние хуннской культурной традиции.

Границы саяно-алтайского ареала в целом очерчиваются находками бронзовых хуннских поясных пластин [Савинов, 2015]. Обычно такие пластины определяются как символы социальной значимости, но могут рассматриваться и в качестве знакового обозначения гражданской, в данном случае – хуннской принадлежности носившего их человека. Это объясняет случаи нахождения их в погребениях женщин, социальные функции которых пока не совсем ясны. При этом следует отметить факт полного отсутствия таких находок в элитных погребениях (типа Ноин-Улы и пр.). Видимо, элитная (династийная) принадлежность погребенных здесь могла обозначаться каким-то иным образом или подразумевалась сама собой. Нельзя исключать и своеобразной моды на изделия подобного рода, распространявшейся на представителей т.н. «среднего» слоя населения. Очевидно, что в данный период истории Хунну влияние их культуры должно было быть социально обусловленным и не выходило за границы Саяно-Алтайского нагорья, в лучшем случае – его ближайшей периферии.

В связи со всем сказанным можно сделать несколько выводов, имеющих непосредственное отношение к решению гуннской проблемы. 1. Хронологически это

несколько сокращает разрыв между центральноазиатскими хунну и европейскими гуннами. 2. Как на Алтае, так и в Минусинской котловине инокультурное население с хуннскими традициями продолжало существовать и в последующее время. Вряд ли оно могло принимать какое-либо участие в дальнейшем продвижении хунну на Запад. 3. На местах прежних владений (или «провинций») Хунну складывается ряд новых археологических культур с наличием хуннского компонента, но на местной основе: III–V вв. – таштыкская культура на Среднем Енисее, кокзельская культура в Туве, булан-кобинская (поздние этапы культуры) на Алтае, одновременные с восточноевропейскими гуннами, но уже никакого отношения к ним не имеющих. 4. Очевидно, уже на этом этапе этнополитической истории Хунну сформировался комплекс элементов ранжированной воинской субкультуры, наличие которого иногда воспринимается как свидетельство массового продвижения хунну с востока на запад. На самом деле носителями этой «хуннской триады» могли быть как передовые, собственно хуннские подразделения, так и (в основном?) другие группы населения, снаряженные (и вооруженные) таким же образом.

Наконец, последнее. В свете всего сказанного как на предполагаемое место исхода будущей западной миграции хуннских племен следует обратить особое внимание на археологические памятники с хуннским «участием» Синьцзяна, имеющими, как справедливо считает В.И. Молодин [2000], важное значение «в контексте гуннской проблемы». Здесь хунну сокрушили юечжей; отсюда – Северо-Западная Монголия, Монгольский Алтай, Синьцзян (через Джунгарские ворота?) – мог начаться путь на Запад.

Дальний круг

Первым толчком для продвижения хунну на Запад послужило разделение государства Хунну в 49 г. до н.э. на северных и южных Хунну. В плане рассматриваемой темы это имело такое же значение, как до этого перенесение ставки хуннских шаньюев на север от пустыни Гоби. Но теперь сфера влияния хунну (или воинской субкультуры) вышла за пределы Саяно-Алтая и обратилась в сторону Западной Сибири и Средней Азии.

В самом кратком изложении связанные с этим исторические события сводятся к следующему. Предводитель северных хунну Чжичжи шаньюй во главе части своего «народа» и войска откочевал на территорию дружественного хунну государства *Кангюй*. Земли Кангюй располагались в прилегающих с запада степях Восточного Казахстана, между оз. Балхаш и Иртышом. На востоке они примыкали к Тарбагатаю, на юге – к Тянь-Шаню. Таласская долина, где обосновался Чжичжи, была самой южной окраиной Кангюя [Гумилев, 1993, с. 137–138]. Отношения Кангюя с Китаем были враждебными; хунну также враждовали с местным населением – *усунями*, до этого пришедшими сюда откуда-то из глубин Центральной Азии под давлением хунну.

В данной коллизии – противостояние хунну и усуней при участии Китая и Кангюя – было заложено поражение этой части северных хунну. Кангюй, пользуясь поддержкой хунну, напал на усуней; этим воспользовался Китай, выступив на помощь усуням против Кангюя. По каким-то причинам (личного характера?) союз между хунну и Кангюем был нарушен, и хунну оказались одни против враждующих противников. В 42 г. до н.э. при осаде своей крепости в Таласской долине союзными войсками усуней и китайцев Чжичжи был убит, значительная часть хунну уничтожена, а остатки разгромленной хуннской армии, образно говоря, рассеялись. С того момента появляется первая реальная возможность распространения носителей ранжированной воинской субкультуры хунну на Запад.

При этом основная часть северных хунну оставалась на своих местах (Монголия, Тува, Джунгария), пока в середине II в. н.э. не была завоевана сяньбийцами. Начинается хуннуско-сяньбийский период в истории Центральной Азии и Южной Сибири, когда, пользуясь словами Н.Н. Крадина [2001, с. 75], «...первоначальное противостояние по оси „север–юг“ переместилось в плоскость „запад–восток“». Вероятно, в данном контексте следует рассматривать и вопрос о т.н. «волчьих» или «драконовых» знаменах, скорее всего, передававшихся в хуннуской воинской среде с востока на запад [Савинов, 2017].

Археологические памятники, связанные с распространением сферы влияния культуры хунну в пределах Дальнего круга, можно рассматривать по двум основным направлениям: южному (в сторону Средней Азии) и северному (в сторону Западной Сибири).

Южное направление. Изучение южного направления – это особая тема исследований, больше освещенная сведениями письменных источников, чем археологическими данными. Участие хуннуского компонента в процессе культурогенеза, вопреки утверждениям некоторых исследователей, там представляется несомненным. Наиболее отчетливо оно выражено в материалах кенкольской культуры на Тянь-Шане и джетыясарской в Южном Приаралье. Однако дальнейшие следы хуннуского влияния в данном направлении теряются, растворяясь в культурах среднеазиатской цивилизации. Вопросы культурной атрибуции *эфталитов* и *хионитов* (т.н. белых гуннов) Средней Азии, археологические памятники которых до сих пор не выявлены, вообще остаются за пределами нашего рассмотрения.

Северное направление. Саргатская культура. Хуннуская культурная традиция проявляется в археологических материалах Западной Сибири в наиболее четком виде и, как следует думать, определенном историческом контексте. Памятников, которые можно было бы признать собственно хуннускими, там, естественно, уже нет, но предметы хуннуского облика (или попавшие сюда через посредство хунну) достаточно многочисленны. В первую очередь это костяные накладки лука хуннуского типа, железные наконечники стрел, пряжки, отдельные предметы хуннуской художественной бронзы. Датировка этих вещей, конечно, с некоторым запаздыванием определяется по находкам их в Центральной Азии, укладываясь в исторические рамки предполагаемого продвижения хунну на Запад. Из инокультурных элементов к ним относятся китайские лаковые изделия и зеркала. Основной артерией их поступления, скорее всего, был Иртыш, игравший такую же роль связующей коммуникации, какую прежде в Саяно-Алтайской области играл Енисей.

Главным восприимчивым инноваций в Западной Сибири было население саргатской культуры (или саргатской культурно-исторической общности), состоявшей из ряда локальных вариантов – барабинского, прииртышского, приишимского, притобольского [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; 1997; Матвеева, 1993; 1994; и др.]. Все варианты саргатской культурно-исторической общности, объединяемые в первую очередь близостью погребального обряда и керамики, – это крупное, хорошо военизированное этносоциальное (потестарное?) объединение, в течение длительного периода представлявшее культуру скифо-сарматского времени лесостепной полосы Западной Сибири. Участие хуннуского компонента на определенном этапе ее развития так или иначе признается всеми исследователями, хотя в различных локальных вариантах проявляется по-разному. При этом обращает на себя внимание тот факт, что по мере удаления на север (приишимский и притобольский варианты культуры) следы хуннуского влияния проявляются в меньшей степени.

В наиболее чистом виде оно представлено в материалах памятников барабинского варианта; например обломок китайского зеркала, монета *у-шу* и ложечковидные

застежки из могильника Марково-1 в Центральной Барабе – (рис. 2.-4–6) [Полосьмак, 1987, рис. 33-3, 4; 37.-7]. Сюда же относятся бронзовая пряжка с изображением головы копытного животного (кулана?) анфас из могильника Красноярка на Иртыше [Корякова, 1988, рис. 18, 94], аналогичная представленным в коллекции хуннских художественных бронз на Енисее (рис. 2.-3) [Дэвлет, 1980, табл. 19–27], и бронзовая пластина с изображением хищника из Богдановки-1 (рис. 2.-2) [Могильников, 1992, рис. 124.-50]. Бронзовый котел из Савиновского могильника [Матвеев, Матвеева, 1991, рис. 24] близок к котлу из Иволгинского некрополя [Давыдова, 1985, рис. VI.-1]. Другие, более многочисленные и чаще всего мелкие бронзовые изделия, также вполне «узнаваемые», могли быть как принесены непосредственно потомками хуннских воинов, так и сделаны по хуннским образцам (подробнее об этом см.: [Савинов, 2010]).

Идея репродукции (копирования) коснулась и костяных предметов. Так, замечательная роговая пряжка с изображением животных из могильника Абатский-3 [Матвеева, Опенько, 1991] по характеру нанесенных на ней изображений – фигура крупного кошачьего хищника на «мягких» лапах в сочетании с незаконченным рисунком головы оленя с ветвистыми рогами (рис. 2.-7) – близко напоминает рисунки на роговом разветвлении (предположительно пряжка), найденном в одном из жилищ Иволгинского городища (рис. 2.-13) [Давыдова, 1985, рис. X.-1]. Полный разворот этой сцены – преследование и терзание таким же кошачьим хищником оленя с ветвистыми рогами – представлена на роговом разветвлении (как и в иволгинском изделии) из могильника Берегай в Забайкалье [Бородавский, 2007, рис. 113].

Источником и носителем этих инноваций в первую очередь могли быть хуннские всадники, скорее всего, занимавшие в местной среде привилегированное положение. Именно тогда, на рубеже эр и в начале I тыс. н.э., на юге Западной Сибири и в Приуралье появились первые свидетельства об использовании верхового коня [Викторова, 2008, с. 7–11], несомненно, интенсифицировавшем происходившие там процессы социогенеза. Отметим и первые изображения всадников – на серебряных бляхах из Истяцкого клада, по В.Н. Чернецову, I–II вв. (подробнее об этом см.: [Савинов, 2020]).

Особое место среди всех памятников саргатской культурно-исторической общности занимают материалы могильника Сидоровка около г. Омска (на правом берегу Иртыша), где впервые были открыты богатые неограбленные погребения представителей элиты саргатского общества [Матющенко, Татаурова, 1997]. В состав предметов сопроводительного инвентаря входят как традиционные, так и приобретенные культурные ценности: помимо характерной саргатской керамики, костяные накладки хуннского лука (рис. 3.-8), бронзовый котел, железные панцирные пластины, золотые и серебряные украшения в хуннском «зверином стиле» (рис. 3.-6, 7), орнаментированное блюдо сарматского облика (рис. 3.-1), золотой фалар с изображением свернувшегося грифона бактрийского происхождения (рис. 3.-4) и др. Весь набор этих изделий свидетельствует о глубоком укоренении хуннского компонента в саргатской культурной общности, имевшей к тому времени тесные связи как с сарматским западом, так и бактрийским югом. В числе наиболее ярких предметов хуннского происхождения следует назвать парные золотые пластины с изображениями борющихся драконов (рис. 3.-5). Ближайшие аналогии им находятся не только в Ордосе, но и в хуннских поясных пластинах из Южного Китая [Комиссаров, 1996]. Можно предположить, что западносибирские экземпляры могли иметь такое же раритетное значение, как урбюнская бляха в Туве.

Верхняя дата существования саргатской культурно-исторической общности остается неопределенной. По мнению А.П. Зыкова [2002, с. 48], «крушение саргатской культуры как системы было связано с появлением у границ ее ареала во второй половине II в. северных хунну – будущих гуннов», однако это не означает исчезновения ее как таковой. В той же (к сожалению, очень краткой) статье приводится сводка данных о других подобных памятниках в Омском Прииртышье и основных волнах продвижения «кочевых орд» на запад (подробнее эти сведения изложены в соответствующих разделах монографии А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой [2001, с. 10–30] о Холмогорском кладе).

В одной из своих статей В.И. Матющенко [1996, с. 127–129] назвал погребенных в могильнике Сидоровка воинов «катафрактариями на Иртыше». По всем приведенным данным могильник Сидоровка, характеризующий расцвет саргатской культурно-исторической общности, датируется авторами II–IV вв. [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 82]. К концу этого периода относятся и первые свидетельства письменных источников о появлении восточноевропейских гуннов. Этническая принадлежность населения саргатской культурно-исторической общности определяется как угорская (или угро-самодийская?) с возможным включением иранских и тюркских элементов. Сложный (полиэтнический?) характер ее образования оставляет окончательное решение данного вопроса дискуссионным, но так или иначе определяющей из них в рамках большой урало-алтайской языковой семьи считается угорская принадлежность [Могильников, 1992, с. 310–311].

Точка зрения о том, что дальнейшая хуннская экспансия была прервана длительным нахождением их в Западной Сибири, где остатки разгромленных хунну «отсиживались» в течение всего III в., была впервые высказана в 1960 г. Л.Н. Гумилевым [1993, с. 201–202] и уже приобрела характер устоявшейся концепции, фактически не имея никакого археологического обоснования. Согласно этому, именно оттуда (и благодаря пребыванию в угорской среде Западной Сибири) началось дальнейшее проникновение хунну (теперь уже гуннов) на Запад.

«Трансформация северных хунну в гуннов не произошла бы, – отмечает в специальной работе о западных гуннах А.П. Кондратенко [1994, с. 31], – попади они в иные условия, чем угорская среда Западной Сибири (II–III вв.) ... Инкорпорированные в среду угров беглецы с востока – северные хунну приобрели необычайную мощь, обусловившую их дальнейшие победы на западе». По мнению Л.Н. Гумилева [1993, с. 201], «именно с угорской территории начали хунну свой поход на запад, причем угорский компонент составлял и основную боевую силу и нет оснований сомневаться в том, что оба народа смешались в один новый народ – гуннов».

В свете всего вышесказанного такая реконструкция событий в целом представляется правильной и подтверждается данными исторической лингвистики (известно, что современные обские угры Западной Сибири и венгры в Подунавье – ближайшие родственники по языку), но требует уточнения роли участников этого исторического процесса. Миграция значительных масс хунну с востока после ряда случившихся с ними поражений вряд ли соответствует действительности. Скорее можно говорить о приходе в защищенные расстоянием районы юга Западной Сибири какой-то небольшой, наиболее пассионарной (по Л.Н. Гумилеву) части населения (условно – войска), носителей сложившейся воинской субкультуры. В этом плане, очевидно, следует говорить не об инкорпорации хунну угорского населения, а наоборот, о включении разгромленных, но воинственных хунну в среду местного угорского населения, составившего демографическую основу будущих военных походов. Главной движущей силой при этом должны были быть традиции, опыт

и социально ранжированный комплекс воинской субкультуры хунну, вся обозримая история которых состоит из территориальных потерь и последовательных завоеваний.

Такая расстановка сил объясняет загадку III в. н.э. – исчезновение Северных хунну на рубеже II–III вв. и неожиданное появление в начале IV в. н.э. на границах Восточной Европы мощного воинского образования под тем же наименованием, уже с иной культурой, но сохранением ее основных социально значимых элементов. Судя по всем имеющимся археологическим материалам, можно достаточно уверенно утверждать, что именно саргатская культурно-историческая общность, на территории которой оседали, возможно, несколькими волнами остатки северных хунну, окончательно поглотила их экспансию в западном направлении. Понадобилось более одного века, чтобы эта вновь социально организованная общность приобрела новое качество. При этом воинская субкультура хунну, перенесенная на новую этническую почву, сыграла основную организующую роль, сохранив главные маркирующие (наследственные?) ценности.

Нечто подобное известно в истории и других народов Великой степи периода создания кочевых империй. Так, во главе татаро-монгольских войск находилась элитная группа монголов-*нирунов* («царских»), увлекавших за собой большое количество тюркоязычных племен, называемых обобщенно «татарами», что привело к общей нивелировке культуры монгольского времени. Какова была культура собственно монголов в ее исходном состоянии, пока судить сложно. Или тюрки-*ашина*, сами по себе немногочисленные, разгромили жуань-жуаней, выступив во главе племен теле, после чего голубое тюркское знамя с волчьей головой развевалось над всеми войсками Великого тюркского каганата.

Каким образом происходило столь быстрое продвижение хуннских войск, сказать трудно. На карте распространения хуннских котлов, составленной И.П. Засецкой (рис. 1.-2), между местами их находок от Иртыша на востоке до Дона на западе лежит

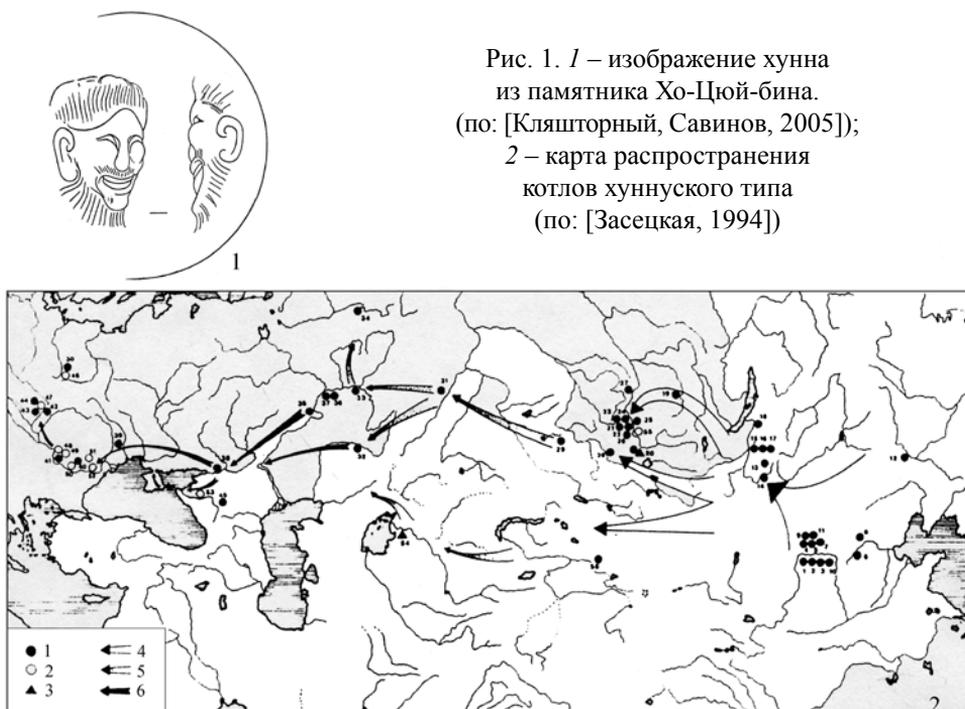

Рис. 1. 1 – изображение хунна из памятника Хо-Цюй-бина.
(по: [Кляшторный, Савинов, 2005]);
2 – карта распространения котлов хуннского типа
(по: [Засецкая, 1994])

незаполненное пространство, перекрытое стрелой [Засецкая, 1994, рис. 24]. Очевидно, это должно демонстрировать достаточно быстрое продвижение хуннских (или уже гуннских?) войск. В теории миграций существует вариант «броска» на далекие расстояния, чаще всего связанный с военными походами, не оставляющий (или оставляющий минимум) археологических следов. Наверное, так оно и было.

Наследие хуннской традиции на Западе и на Востоке

Обстоятельства появления гуннов в восточноевропейских степях еще более запутаны с точки зрения как письменных, так и археологических источников. По поводу первых можно сослаться на слова А.П. Кондратенко [1994, с. 34] в той же статье о западных гуннах: «На основании этих сообщений мы попадаем в такой круговорот племен и народов, что дальнейший ход событий совершенно исчезает в массе племен и их миграциях». Если учесть, что большинство из этих племен не имеют своего археологического «лица», какие-либо поиски в этом направлении вообще чрезвычайно затруднены.

В обобщающем труде И.П. Засецкой [1994, с. 12, табл. 1–46] о восточноевропейских кочевниках в «гуннскую эпоху», конец IV – V в., собраны и проанализированы материалы 46 памятников, считающихся гуннскими. Абсолютное большинство из них совершены по обряду трупосожжения (всего несколько – труположения). Сопроводительный инвентарь: предметы вооружения, конское снаряжение, включая остатки седел, украшения в полихромном стиле, пряжки и котлы – представляют весьма устойчивый предметный комплекс, отличный как от собственно хуннского и тем более от саргатского, так и вообще от каких-либо известных на востоке. Говорить о каких-то его генетических корнях в целом не представляется возможным. Остается только предполагать, что это уже специализированный, судя по

Рис. 2. Бронзовые изделия и датирующие материалы хуннской традиции.

А – Западная Сибирь, саргатская культура: 1 – Инберень-IV; 2 – Богданово-I; 3 – Красноярка; 8 – Богданово-II (по: [Могильников, 1992]); 4–6 – Марково-I, барабинский вариант (по: [Полосьмак, 1987]); 7 – Савиновский могильник (по: [Матвеева, Опенько, 1991]). Б – Аналогичные изделия в материалах памятников хунну (по: [Давыдова, 1985; Руденко, 1962; Дэвлет, 1980])

всему, «дружинный», социально организованный комплекс, не имевший определенной этнической специфики.

Вместе с тем, как уже говорилось, И.П. Засецкой [1994, рис. 20–22, с. 35–39, 104–108] в инвентарной части этих погребений были выделены некоторые категории вещей, имеющих, по ее мнению, хуннское происхождение: костяные накладки лука; железные, в том числе ярусные, наконечники стрел; определенным образом декорированные котлы (рис. 4.-1–4). Это соответствует названной выше триаде хуннских культурных ценностей, с потерей бронзовых художественных изделий, бывших одним из наиболее ярких проявлений социально ранжированной культуры Хунну. Их место в культурном контексте европейских гуннов заняли изделия, выполненные в полихромном стиле.

Проблема происхождения полихромного стиля в восточноевропейской традиции вообще остается дискуссионной [Бажан, Щукин, 1990], но, во всяком случае, место их появления не выходит за пределы европейского ареала. Еще одним показательным элементом гуннского культурного комплекса на Западе являются металлические обкладки ленточек седел, украшенные чешуйчатым орнаментом [Засецкая, 1994, с. 49–50,

табл. 2.-10; 4.-15 и сл.], хотя сама конструкция седла с жесткой основой несомненно имеет центральноазиатское происхождение. Предположительно именно эти элементы традиционной воинской субкультуры в сочетании с вновь приобретенными ценностями (изделия в полихромном стиле, металлические обкладки седел) могут служить индикатором для выделения гуннских памятников не только в пределах западного ареала, но и распространения их с запада на восток.

При этом, конечно, основная часть носителей гуннской традиции оставалась в восточноевропейских степях и позднее, что наиболее убедительно показано А.В. Богачевым [2011, с. 185–242] по материалам памятников гуннского круга V–VI вв. на Средней Волге.

Следует отметить, что под этим углом зрения вопрос о дальнейшей судьбе европейских гуннов, а скорее всего, какой-то части их еще не ставился. Между тем имеются известные основания полагать, что этнополитическая история гуннов (в самом широком

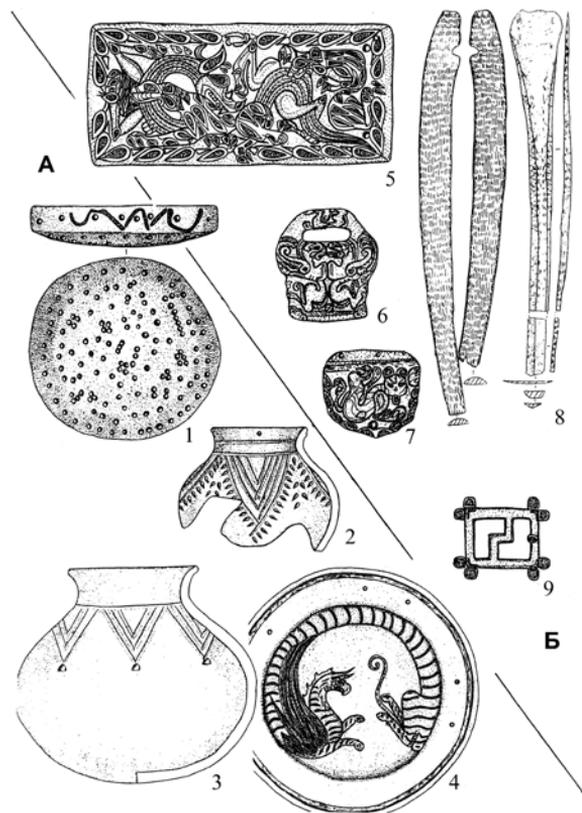

Рис. 3. Материалы могильника Сидоровка из Омского Прииртышья: А – 1–4 – саргатские и бактрийские изделия. Б – 5–9 – украшения, костяные накладки лука хуннской традиции (по: [Матющенко, Тагаурова, 1997])

значении этого термина) могла найти свое завершение не только на Западе, но и на Востоке. Каковы могли быть причины такой реэмиграции: военные поражения и отпадение подвластных племен? Значительные потери человеческих и воинских ресурсов? Или все они взаимосвязаны? Возможно также, что сама экспансионистская идея движения на Запад себя исчерпала: восточноевропейские степи были уже густо заселены и начался «обратный» отток (условно – на «историческую родину»)?

Самым заметным отражением этого процесса могут служить полихромные украшения, как бы пришедшие в этом знаковом качестве на смену художественным бронзам Саяно-Алтайского ареала расселения хунну. Согласно классификации И.П. Засецкой [1982], полихромные изделия делятся на несколько стилистических групп. Из них «первая группа характеризуется сочетанием золотого фона с яркими красных оттенков вставками полудрагоценных камней в напаянных гнездах... Как вариант первой стилистической группы можно рассматривать ряд находок, обнаруженных восточнее основного очага их распространения, в Нижнем Поволжье, Казахстане, Средней Азии и на Алтае» [Засецкая, 1982, с. 69, 74]. Но сделаны они могли быть по какому-то одному (гуннскому?) оригиналу.

Наиболее известные находки подобного рода найдены в т.н. курганах «с усами» Урало-Казахстанских степей – Канатас, Солончанка-I и др. [Любчанский, Таиров, 1999, рис. 24.-6, 7] (рис. 5.-3, 4). Оттуда происходят серебряные обкладки лук седел с чешуйчатым орнаментом (рис. 5.-5), костяные накладки лука хуннского типа (рис. 5.-2), пряжки с подвижным щитком (рис. 5.-1) и другие вещи, характерные для данного круга памятников. Наиболее обоснованная их датировка, по И.Э. Любчанскому, – V–VI вв. [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 159].

В Западной Сибири (Новосибирская область) серебряные украшения в полихромном стиле найдены в одном из погребений могильника Сопка-II (рис. 6.-8, 10) [Молодин, Чикишева, 1990], датируемого IV–V вв., которое,

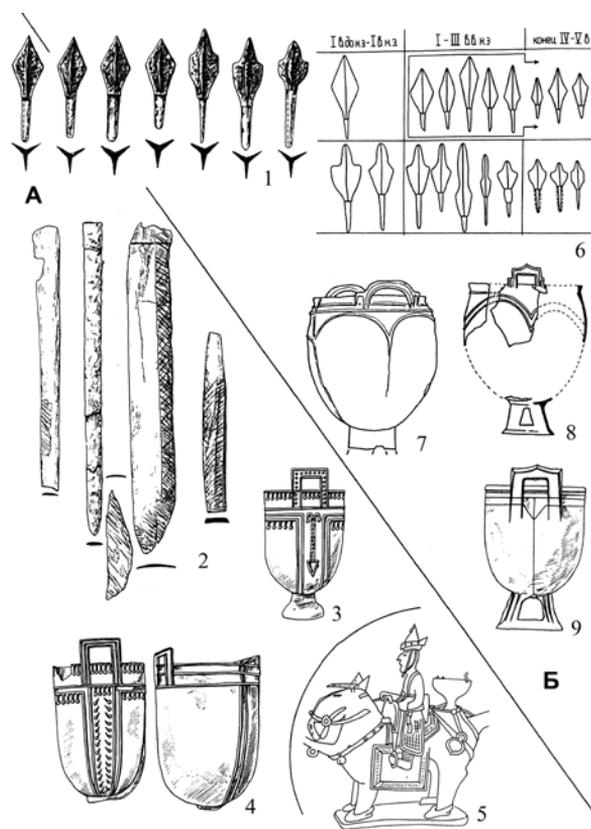

Рис. 4. Комплекс предметов хуннской традиции Западного ареала: А – 1–4 – восточноевропейских кочевников (по: [Засецкая, 1994]); 5 – для сравнения – котел на фигурке всадника. Корея. Культура Силла (по: [Кляшторный, Савинов, 2005]). Б – хуннские аналогии; 6 – наконечники стрел (по: [Засецкая, 1994]); 7–8 – бронзовые котлы (по: [Боковенко, Засецкая, 1993])

по заключению авторов, «по инвентарю и антропологическому типу выпадает из всех известных памятников эпохи средневековья, исследованных на данной территории» [Молодин, Чикишева, 1990, с. 161], а также Ивановка-6 (рис. 6.-9) [Бородовский, 1999, рис. 1].

Однако наиболее представительной остается серия изделий полихромного стиля из погребения на р. Чарыш (Степной Алтай) т.н. «Тугозвоновского князя», также датированного IV–V вв. (рис. 6.-2, 5) [Уманский, 1978]. Это крайний пункт распространения изделий в полихромном стиле на Востоке. В недавнее время полный набор украшений конской упряжи, выполненных в том же стиле, найден в ритуальном сооружении на р. Барбургазы, Юго-Восточный Алтай (рис. 6.-6, 7) [Кубарев, 2010]. По заключению специалистов, исследовавших серебряные украшения Западной Сибири и Алтая, «неоднозначность происхождения изделий полихромного стиля из Верхнего Приобья (в сравнении с находками из Ивановки-6 и Тугозвоновского комплекса. – Д.С.) вместе с особенностями их металла расширяют аргументацию в пользу местных источников сырья» [Бородовский и др., 2005, с. 14].

Из последних открытий на предполагаемом «обратном» пути движения гуннов следует особо отметить замечательные находки в ритуально-жертвенных оградках памятника Алтын-Казган на восточном берегу Прикаспия (рис. 5.-6–11) [Астафьев, Богданов, 2018]. Оттуда же происходят детали седла гуннского типа – серебряные обкладки концов полок с чешуйчатым орнаментом (точно такие же, как в Солончаке-I) и обкладки передней и задней лук с великолепными рельефными (тиснеными) сюжетными композициями с фигурами животных и птиц [Богданов, 2017] (рис. 6.-8). Вопрос о происхождении этих изображений, учитывая «ничтожно малое количество кочевнических изобразительных источников IV–VI вв.» [Богданов, 2017, с. 76], пока остается открытым.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие из отмеченных выше памятников – Солончанка-I, Алтын-Казган, Аржан-Бугузун – представляют собой

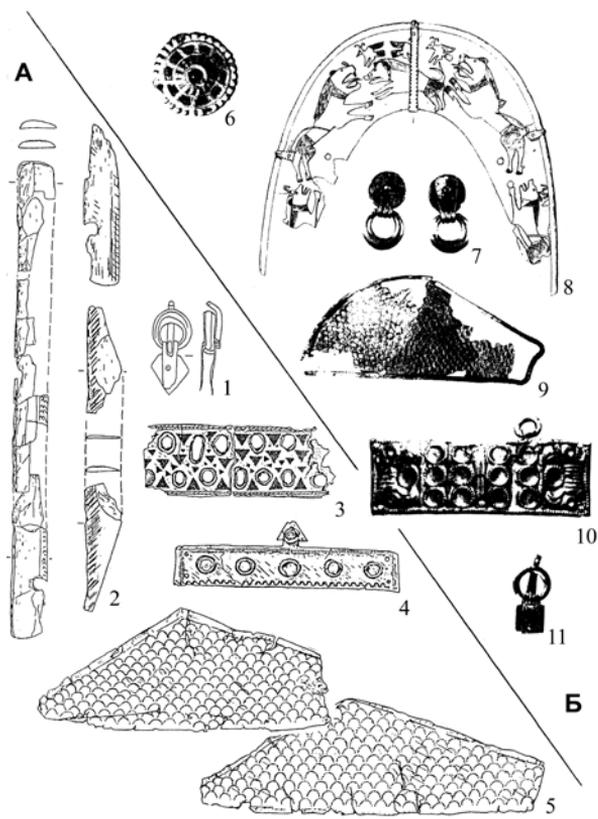

Рис. 5. Гуннские параллели в материалах Восточного ареала: А – Центральный Казахстан, курган с «усами» Солончанка-I (по: [Любчанский, Таиров, 1999]). Б – комплекс находок из ритуального памятника Алтын-Казган. Мангышлак (по: [Астафьев, Богданов, 2018])

ритуально-жертвенные захоронения лошадей с полным «парадом» конской амуниции – возможно, последние страницы в истории хуннского всадника, свидетельствующие о значении и непрерывности стоящей за ним мифологии.

Заключение

С учетом вышеизложенного создается впечатление о дискретности широтного распространения носителей элитарной гуннской традиции на одном хронологическом срезе (IV–V вв.). В результате этого в предтюркское время могли образоваться своего рода анклав сосредоточения гуннского культурного комплекса на Востоке. В образовавшееся между ними разреженное пространство легко могли проникать какие-то новые группы населения. Возможно, это объясняет ту быстроту, с которой происходило образование Первого тюркского каганата, когда тюрки в середине VI в. без какого-либо сопротивления подчинили столь огромную территорию – от Монголии до Боспора, не оставив при этом заметных следов ее завоевания.

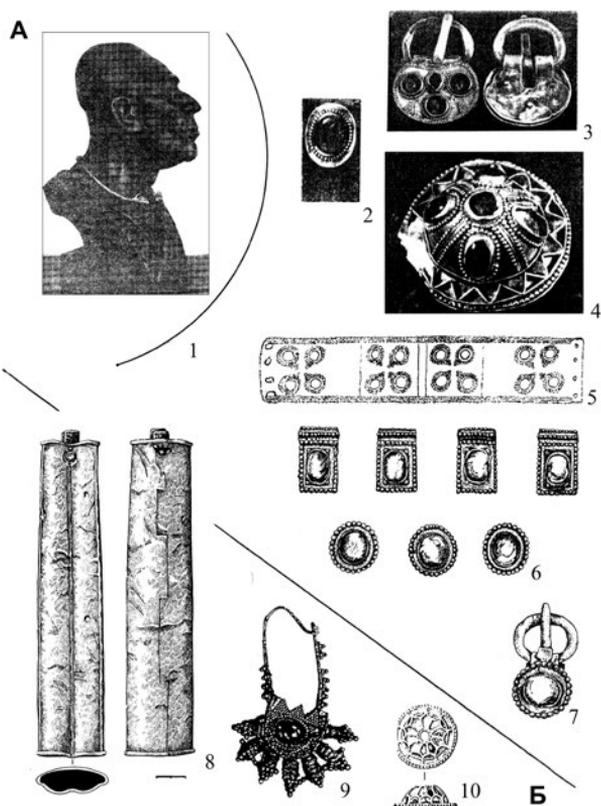

Рис. 6. А – погребение на р. Чарыш. Северный Алтай: 1 – изображение «Тугозвонковского князя» (реконструкция М.М. Герасимова); 2–5 – изделия в полихромном стиле (по: [Уманский, 1978]); 6–7 – украшения конской узды из Аржан-Бугузун. Горный Алтай (по: [Кубарев, 2010]). Б – находки предметов IV–V вв. из Западной Сибири: 8, 10 – Сопка-II (по: [Молодин, Чикишева, 1990]); 9 – Ивановка-6 (по: [Бородовский, 1999])

Библиографический список

- Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Жертвенное приношение вещей гуннского облика в каменных оградах Алтын-Казгана на восточном берегу Каспийского моря // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. №2. С. 68–78.
- Бажан И.А., Шукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 83–96.
- Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л. : ЛГУ, 1951. 254 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Начало хуннской эпохи на Саяно-Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1. С. 123–130.
- Богачев А. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э. Историко-археологическое исследование. Saarbrücken : Lambert Academie Publishing, 2011. 340 с.
- Богданов Е.С. Звери и птицы на обкладках гуннского седла из Мангышлака // Изобразительные и технологические традиции в ранних формах искусства. М.; Кемерово : ИА РАН, 2017. С. 65–77.
- Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского» типа Восточной Европы в свете хунно-гуннских связей // ПАВ. 1993. №3. С. 73–88.

Бородовский А.П. Украшения полихромного стиля из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 283–287.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 174 с.

Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад. Каталог коллекции. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. 118 с.

Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири. Новосибирск : ННГУ, 2005. 83 с.

Боталов С.Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №1. С. 106–127.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» Урало-Казахстанских степей. Челябинск : УрО РАН, 2006. 228 с.

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. 207 с.

Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // Уч. Записки ТНИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл : Тываполиграф, 1971. С. 93–106.

Гумилев Л.Н. Хунны в Азии и Европе // ВИ. 1989. №6. С. 64–78.

Гумилев Л.Н. Хунну. Изд. 2-е. М. : Магия-Пресс, 1993. 212 с.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. 109 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб. : Петербургское востоковедение, 1995. 92 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник. СПб. : Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.

Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. М. : Наука, 1980. 67 с. (САИ. Д4–7).

Засецкая И.П. Классификация полихромных украшений гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов. М. : Наука, 1982. С. 16–24.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб. : Эллипс, 1994. 221 с.

Зыков А.П. Гуннские погребения села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы Сибири. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие Западной Сибири». Тобольск; Омск : УрО РАН, 2002. С. 47–50.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV вв. Екатеринбург : Сократ, 2001. 174 с.

Иностранцев К.А. Хунну и гунны. Л. : [Б.и.], 1926. 152 с.

Килуновская М.Е., Леус П.М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. №24. С. 125–152.

Кляшторный С.Г. Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // История Древнего мира. Упадок древних обществ. М. : Вост. литература, 1989. С. 243–254.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Изд-во Филологич. ф-та СПбГУ, 2005. 341 с.

Ковалев А.А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб. : Петроскандика, 2002. С. 150–194.

Комиссаров С.А. Поясные пластины «ордосского типа», найденные на юге Китая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. С. 120–122.

Кондратенко А.П. Западные хунны. Опыт этно-исторической идентификации // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. С. 27–44.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : УрГУ, 1988. 238 с.

Корякова Л.Н. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург : УрО РАН, 1997. 179 с.

- Крадин Н.Н. Империя Хунну. М. : Логос, 2001. 312 с.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток : Дальнаука, 2004. 104 с.
- Кубарев В.Д. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 27–31.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск : ИИФиФ СО РАН, 1986. С. 101–119.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : МГУ, 1979. 208 с.
- Любчанский Н.Э., Таиров А.Д. Археологическое исследование комплекса курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка-I. Тр. Музея-заповедника «Аркаим». Челябинск : ЧелГУ, 1999. С. 5–62.
- Мандельштам А.М. К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск : ИИФиФ СО РАН, 1975. С. 229–237.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл : ТНИИЯЛИ, 1980. С. 43–59.
- Мартынов А.И. О начале гуннской эпохи в степной Евразии (к проблеме номадизма) // 100 лет гуннской археологии: Материалы Междунар. конф. Ч. 1. Улан-Удэ : Олзон, 1996. С. 33–36.
- Матющенко В.И. Катафрактерии на Иртыше // 100 лет гуннской археологии: Материалы Междунар. конф. Ч. 1. Улан-Удэ : Олзон, 1996. С. 127–129.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск : Наука, 1997. 196 с.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Савиновский могильник саргатской культуры. Итоги полевых исследований. Тюмень : Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1991. 52 с. Препринт.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука, 1994. 149 с.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1998. 172 с.
- Матвеева Н.П., Опенько М.Ю. Роговая бляха с гравированным изображением из Абатского 3 могильника // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск : ОмГУ, 1991. С. 41–45.
- Миняев С.С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н.э. – I в. н.э. М. : Наука, 1980. С. 29–34. (САИ. Д4–7).
- Миняев С.С. Результаты спектрального анализа Когольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1978. С. 26–45.
- Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-саргатское время. М. : Наука, 1992. С. 292–311. (Археология СССР).
- Молодин В.И. Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3. С. 89–99.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск : ИИФиФ СО РАН, 1990. С. 161–179.
- Нашекин Н.В. Когольский клад // АО 1966 г. М. : Наука, 1967. С. 163–165.
- Николаев Н.Н. Планиграфия могильника Бай-Даг-II // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб. : ИИМК РАН, 2002. С. 260–263.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск : ИИФиФ СО РАН, 1987. 143 с.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Савинов Д.Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 104–108.
- Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Алтая // КСИА. 1978. №154. С. 48–55.
- Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ЭлекСис, 2009. 212 с.

Савинов Д.Г. Культурные контакты в Западносибирской части сферы влияния Хунну // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. К юбилею Т.Н. Троицкой. Новосибирск : НГПУ, 2010. С. 163–173.

Савинов Д.Г. Находки хуннских художественных бронз в историческом контексте // Вестник КемГУ. Археология и история. Т. 6, №2. 2015. С. 145–150.

Савинов Д.Г. «Волчьи» знамена на Великом шелковом пути // Труды V (XXI) археологического съезда в Барнауле. Т. 2. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 128–132.

Савинов Д.Г. К иконографии образа всадника в изобразительной традиции Западной Сибири // Теория и практика археологических исследований. 2020. №1 (29). С. 71–87.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск : Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. 159 с.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М. : Б.и., 1968. 177 с.

Тишкин А.А. Предметы торевтики хуннского времени из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 40–45.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Якоман-II на Алтае как отражение материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск : ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Турбат Ц. Могилы рядовых хунну. Улан-Батор : Гос. ун-т образования Монголии, 2004. 180 с. (на монг. яз.).

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 129–163.

Худяков Ю.С. Хунны на Саяно-Алтае // 100 лет гуннской археологии: Материалы Междунар. конф. Ч. 1. Улан-Удэ : Олзон, 1996. С. 40–42.

Цэвээндорж Д. Новые памятники хуннской знати (Монголия) // 100 лет гуннской археологии: Материалы Междунар. конф. Ч. 1. Улан-Удэ : Олзон, 1996. С. 13–16.

References

Astaf'ev A.E., Bogdanov E.S. Zhertvennoe prinoshenie veshchej gunnskogo oblika v kamennyh ogradah Altyn-Kazgana na vostochnom beregu Kaspijskogo morya [The Sacrificial Offering of Things of the Xiongnu Appearance in the Stone Walls of Altyn-Kazgan on the Eastern Shore of the Caspian Sea]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2018. №2. Pp. 68–78.

Bazhan I.A., Shchukin M.B. K voprosu o vozniknovenii polihromnogo stilya kluzazonne epohi Velikogo pereseleniya narodov [To the Issue of the Emergence of the Polychrome Style of the Cloisonne of the Era of the Great Migration of Peoples]. ASGE. 1990. Issue 30. 1990]. Pp. 83–96.

Bernshtam A.N. Ocherki istorii gunnov [The Xiongnu History]. L. : LGU, 1951. 254 p.

Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Nachalo hunnskoj epohi na Sayano-Altai [The Beginning of the Xiongnu Era in the Sayano-Altai]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2002. №1. Pp. 123–130.

Bogachev A. Slavyane, germancy, gunny, bolgary na Srednej Volge v I tys. n.e. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs, Germans, Xiongnu, Bulgarians on the Middle Volga in the 1st Millennium AD. Historical and Archaeological Research]. Saarbrücken : Lambert Academie Publishing, 2011. 340 p.

Bogdanov E.S. Zveri i pticy na obkladkah gunnskogo sedla iz Mangyshlaka [Beasts and Birds on the Lining of the Xiongnu Saddle from Mangyshlak]. Izobrazitel'nye i tehnologicheskie tradicii v rannih formah iskusstva [Graphic and Technological Traditions in the Early Forms of Art]. M.; Kemerovo : IA RAN. 2017. Pp. 65–77.

Bokovenko N.A., Zaseckaya I.P. Proiskhozhdenie kotlov «gunnskogo» tipa Vostochnoj Evropy v sve-te hunno-gunnskih svyazej [The Origin of the “Xiongnu” Type Boilers of Eastern Europe in the Light of the Xiongnu-Hun Relations]. PAV. 1993. №3. Pp. 73–88.

Borodovskij A.P. Ukrasheniya polihromnogo stilya iz Novosibirskogo Priob'ya [Polychrome Style Ornaments from the Novosibirsk Ob Region]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. T. V [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. V]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1999. Pp. 283–287.

Borodovskij A.P. Drevnij reznoj rog Yuzhnoj Sibiri [Ancient Carved Horn of Southern Siberia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2007. 174 p.

Borodovskij A.P., Larichev V.E. Iyusskij klad. Katalog kollekcii [Iyussky Treasure. Collection Catalog]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013. 118 p.

Borodovskij A.P., Obolenskij A.A., Babich V.V., Borisenko A.S., Morcev N.K. Drevnee srebro Sibiri [Ancient Silver of Siberia]. Novosibirsk : NPGU, 2005. 83 p.

Botalov S.G. Hunny i gunny [Xiongnu and Huns]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2003. №1. Pp. 106–127.

Botalov S.G., Tairov A.D., Lyubchanskij I.E. Kurgany s «usami» Uralo-Kazahstanskijh stepej [Mounds with Ridges of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Chelyabinsk : UrO RAN, 2006. 228 p.

Viktorova V.D. Drevnie ugry v lesah Urala [Ancient Ugrians in the Forests of the Urals]. Ekaterinburg : UrO RAN, 2008. 207 p.

Grach A.D. Novye dannye o drevnej istorii Tuvy [New Data on the Ancient History of Tuva]. Uch. Zapiski TNIIYaLI. Vyp. XV [Scientific Notes TNIIYaLI. Issue XV]. Kyzyl : Tyvapoligraf, 1971. Pp. 93–106.

Gumilev L.N. Hunny v Azii i Evrope [Xiongnu in Asia and Europe]. VI. 1989. №6. Pp. 64–78.

Gumilev L.N. Hunnu [Xiongnu]. Izd. 2-e. M. : Magiya-Press. 1993. 212 p.

Davydova A.V. Ivolginskij kompleks – pamyatnik hunnu v Zabajkal'e [Ivolginsky Complex – a Xiongnu Site in Transbaikalia]. L. : Izd-vo LGU, 1985. 109 p.

Davydova A.V. Ivolginskij arheologicheskij kompleks. T. I. Ivolginskoe gorodishche [Ivolginsky Archaeological Complex. Vol. I. Ivolginsky Settlement]. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 1995. 92 p.

Davydova A.V. Ivolginskij arheologicheskij kompleks. T. II. Ivolginskij mogil'nik [Ivolginsky Archaeological Complex. Vol. II. Ivolginsky Burial Ground]. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 1996. 176 p.

Devlet M.A. Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e. [Siberian Waist Openwork Plates of the 2nd Century BC. – I Century AD]. M. : Nauka, 1980. 67 p. (SAI. D4–7).

Zaseckaya I.P. Klassifikaciya polihromnyh ukrashenij gunnskoj epohi po stilisticheskim dannym [Classification of Polychrome Ornaments of the Xiongnu Era according to Stylistic Data]. Drevnosti epohi Velikogo pereseleniya narodov [Antiquities of the Great Migration Period]. M. : Nauka? 1982. Pp. 16–24.

Zaseckaya I.P. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskijh stepej v gunnskuyu epohu (konec IV–V vv.) [The Culture of Nomads of the Southern Russian Steppes in the Xiongnu Era (late 4th – 5th Centuries)]. SPb. : Ellips, 1994. 221 p.

Zykov A.P. Gunnskie pogrebeniya sela Chernoozer'e i problema etnokul'turnoj situacii v lesostepnom Priirtysh'e v epohu Velikogo pereseleniya narodov [Xiongnu Burials of the Black Lake Village and the Problem of Ethnocultural Situation in the Forest-Steppe Irtysh in the Era of the Great Migration of Peoples]. Tyurkskie narody Sibiri. Materialy V Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie Zapadnoj Sibiri» [Turkic Peoples of Siberia. Materials of the V Siberian Symposium “Cultural Heritage of Western Siberia”]. Tobol'sk; Omsk : UrO RAN, 2002. Pp. 47–50.

Zykov A.P., Fedorova N.V. Holmogorskij klad. Kollekcija drevnostej III–IV vv. [Kholmogorsky Treasure. A Collection of Antiquities of the 3rd – 4th Centuries]. Ekaterinburg : Sokrat, 2001. 174 p.

Inostrancev K.A. Hunny i gunny [Xiongnu and Huns]. L. : [B. i.], 1926. 152 p.

Kilunovskaya M.E., Leus P.M. Novye materialy ulug-hemskoj kul'tury v Tuve [New Materials of the Ulug-Khem Culture in Tuva]. AV. 2018. №24. Pp. 125–152.

Klyashtornyj S.G. Gunnskaya derzhava na Vostoke (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [The Xiongnu Power in the East (the 3rd Century BC – 4th century AD)]. Istoriya Drevnego mira. Upadok drevnih obshchestv [History of the Ancient World. The Decline of Ancient Societies]. M. : Vost. literatura, 1989. Pp. 243–254.

Klyashtornyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. SPb. : Izd-vo Filologich. f-ta SPbGU, 2005. 341 p.

Kovalev A.A. Proiskhozhdzenie hunnu согласно dannym istorii i arheologii [The Origin of the Xiongnu according to Historical and Archeological Data]. Evropa – Aziya: Problemy etnokul'turnyh kontaktov [Europe – Asia: Problems of Ethnocultural Contacts]. SPb. : Petroskandika, 2002. Pp. 150–194.

Komissarov S.A. Poyasnye plastiny «ordoskogo tipa», najdennye na yuge Kitaya [Belt Plates of the "Ordos Type" Found in Southern China]. Novejshie arheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri [Recent Archaeological and Ethnographic Discoveries in Siberia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1996. Pp. 120–122.

Kondratenko A.P. Zapadnye hunny. Opyt etno-istoricheskoy identifikacii [Western Xiongnu]. The Experience of Ethno-Historical Identification]. Etnokul'turnye processy v Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v I–II tysyacheletii n.e. [Ethnocultural Processes in South Siberia and Central Asia in the 1st – 12nd Millennium AD]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1994. Pp. 27–44.

Koryakova L.N. Rannij zheleznyj vek Zaural'ya i Zapadnoj Sibiri (sargatskaya kul'tura) [Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia (Sargat Culture)]. Sverdlovsk : UrGU, 1988. 238 p.

Koryakova L.N. Kul'tura zaural'skih skotovodov na rubezhe er [The Culture of the Trans-Ural Pastoralists at the Yurn of the Eras]. Ekaterinburg : UrO RAN, 1997. 179 p.

Kradin N.N. Imperiya Hunnu [The Xiongnu Empire]. M. : Logos, 2001. 312 p.

Kradin N.N., Danilov S.V., Kononov P.B. Social'naya struktura hunnu Zabajkal'ya [The Social Structure of the Xiongnu of Transbaikalia]. Vladivostok : Dal'nauka, 2004. 104 p.

Kubarev V.D. Uzdechnyj nabor v polihromnom stile iz pamyatnika Arzhan-Buguzun (Yugo-Vostochnyj Altaj) [Polychrome Style Bridle Set from the Arzhan-Buguzun Site (Southeast Altai)]. Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul'turah Evrazii [Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2010. Pp. 27–31.

Kubarev V.D., Zhuravleva A.D. Keramicheskoe proizvodstvo hunnov Altaya [Ceramic Production of Altai Xiongnu]. Paleoeconomika Sibiri [Paleo-Economics of Siberia]. Novosibirsk : IIFiF SO RAN, 1986. Pp. 101–119.

Kyzlasov L.R. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th Century)]. M. : MGU, 1979. 208 p.

Lyubchanskij N.E., Tairov A.D. Arheologicheskoe issledovanie kompleksa kurgan s «usami» Solonchanka I [Archaeological Research of the Complex Barrow with a Ridges Solonchanka I]. Kurgan s «usami» Solonchanka-I. Tr. Muzeya-zapovednika «Arkaim» [Barrow with Ridges Solonchanka-I. Tr. Museum-reserve "Arkaim"]. Chelyabinsk: ChelGU, 1999. Pp. 5–62.

Mandel'shtam A.M. K gunnskoj probleme [To the Xiongnu Problem]. Sootnoshenie drevnih kul'tur Sibiri s kul'turami sopredel'nyh territorij [Correlation of Ancient Cultures of Siberia with Cultures of Adjacent Territories]. Novosibirsk : IIFiF SO RAN, 1975. Pp. 229–237.

Mandel'shtam A.M., Stambul'nik E.U. O nekotoryh problemah istorii rannih kochevnikov Tuvy [About Some Problems of the History of the Early Nomads of Tuva]. Novejshie issledovaniya po arheologii Tuvy i etnogenezu tuvincev [Recent Studies on the Archeology of Tuva and the Ethnogenesis of Tuvans]. Kyzyl : TNIIYaLI, 1980. Pp. 43–59.

Martynov A.I. O nachale gunnskoj epohi v stepnoj Evrazii (k probleme nomadizma) [About the Beginning of the Xiongnu Era in Eurasian Steppe (to the problem of nomadism)]. 100 let gunnskoj arheologii: Materialy Mezhdunar. konf. Ch. 1. [100 Years of Xiongnu Archaeology: Materials of the Intern. Conf. Part 1]. Ulan-Ude : Olzon, 1996. Pp. 33–36.

Matyushchenko V.I. Katafraktarii na Irtyshe [Cataphracts on the Irtysh]. 100 let gunnskoj arheologii: Materialy Mezhdunar. konf. Ch. 1 [100 Years of Xiongnu Archaeology: Materials of the Intern. Conf. Part 1]. Ulan-Ude : Olzon, 1996. Pp. 127–129.

Matyushchenko V.I., Tataurova L.V. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e [Sidorovka Burial Ground in the Omsk Irtysh]. Novosibirsk: Nauka, 1997. 196 p.

Matveev A.V., Matveeva N.P. Savinovskij mogil'nik sargatskoj kul'tury. Itogi polevyh issledovanij [Savinovsky Burial Ground of the Sargat Culture. Field Research Results]. Tyumen' : In-t problem osvoeniya Severa SO RAN, 1991. 52 p. Preprint.

Matveeva N.P. Rannij zheleznyj vek Priishim'ya [The Early Iron Age of Priishimye]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 149 p.

Matveeva N.P. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole [Sargat Culture on the Middle Tobol]. Novosibirsk : Nauka, 1998. 172 p.

Matveeva N.P., Open'ko M.Yu. Rogovaya blyaha s gravirovannym izobrazheniem iz Abatskogo 3 mogil'nika [Horny Plaque with an Engraved Image from the Abat 3 Burial Ground]. Problemy izucheniya sargatskoj kul'tury [Problems of the Study of the Sargat Culture]. Omsk : OmGU, 1991. Pp. 41–45.

Minyaev S.S. Proizvodstvo i rasprostranenie pojasnyh plastin s zoomorfnyimi izobrazheniyami (po dannym spektral'nogo analiza) [Production and Distribution of Waist Plates with Zoomorphic Images (according to spectral analysis)]. Devlet M.A. Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny. II v. do n.e. – I v. n.e. [Devlet M.A. Siberian Waist Openwork Plates. The 2nd c. BC – the 1st Century AD]. M. : Nauka, 1980. Pp. 29–34. (SAI. D4–7).

Minyaev S.S. Rezul'taty spektral'nogo analiza Kosogol'skogo klada [The Results of Spectral Analysis of the Kosogol Treasure]. Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoj Sibiri [Ethnocultural History of the Population of Western Siberia]. Tomsk : TGU, 1978. Pp. 26–45.

Mogil'nikov V.A. Sargatskaya kul'tura [Sargat Culture]. Stepnaya polosnaya Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe Zone of the USSR in Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1992. Pp. 292–311. (Arheologiya SSSR).

Molodin V.I. Pamyatnik Yarkhoto v kontekste gunnskoj problemy [The Yarkhoto Site in the Context of the Xiongnu Problem]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2000. No3. Pp. 89–99.

Molodin V.I., Chikisheva T.A. Pogrebenie voina IV–V vv. v Barabe [The Burial of a Warrior of the 4th – 5th Centuries in Baraba]. Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoj i Central'noj Azii [Military Affairs of the Ancient and Medieval Population of North and Central Asia]. Novosibirsk : IIFiF SO RAN, 1990. Pp. 161–179.

Nashchekin N.V. Kosogol'skij klad [Kosogolsky Treasure]. AO 1966. M. : Nauka, 1967. Pp. 163–165.

Nikolaev N.N. Planografiya mogil'nika Baj-Dag-II [The Planigraphy of the Bai-Dag-II Burial Ground]. Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova. Kn. 2 [Steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. On the Occasion of the 100th Birthday of M.P. Gryaznov. Book 2]. SPb. : IIMK RAN, 2002. Pp. 260–263.

Polos'mak N.V. Baraba v epohu rannego zheleza [Baraba in the Early Iron Age]. Novosibirsk : IIFiF SO RAN, 1987. 143 p.

Rudenko S.I. Kul'tura hunnov i Noin-Ulinskije kurgany [The Xiongnu Culture and Noin-Ula Mounds]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1962. 206 p.

Savinov D.G. Pogrebenie s bronzovoj blyahoj v Central'noj Tuve [The Burial with a Bronze Badge in Central Tuva]. KSIA. 1969. Issue 119. Pp. 104–108.

Savinov D.G. O zavershayushchem etape kul'tury rannih kochevnikov Altaya [On the Final Stage of the Culture of the Early Nomads of Altai]. KSIA. 1978. №154. Pp. 48–55.

Savinov D.G. Minusinskaya provinciya Hunnu (po materialam arheologicheskikh issledovanij 1984–1989 gg.) [Minusinsk Xiongnu Province (based on archaeological research from 1984–1989)]. SPb. : ElekSis, 2009. 212 p.

Savinov D.G. Kul'turnye kontakty v Zapadnosibirskoj chasti sfery vliyaniya Hunnu [Cultural Contacts in the West Siberian part of the Xiongnu Sphere of Influence]. Arheologicheskie izyskaniya v Zapadnoj Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee. K yubileyu T.N. Troickoj [Archaeological Surveys in Western Siberia: Past, Present, Future. To the anniversary of T.N. Troitskaya]. Novosibirsk : NGPU, 2010. Pp. 163–173.

Savinov D.G. Nahodki hunnskikh hudozhestvennyh bronz v istoricheskom kontekste [The Finds of Xiongnu Artistic Bronzes in a Historical Context]. Vestnik KemGU. Arheologiya i istoriya [Bulletin of KemSU. Archaeology and History. Vol. 6, №2]. 2015. Pp. 145–150.

Savinov D.G. «Volch'i» znamenata na Velikom shelkovom puti [“Wolf” Banners on the Great Silk Road]. Trudy V (XXI) arheologicheskogo s'ezda v Barnaule. T. 2 [Proceedings of the 5th (XXI) Archaeological Congress in Barnaul. Vol. 2]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 128–132.

Savinov D.G. K ikonografii obraza vsadnika v izobrazitel'noj tradicii Zapadnoj Sibiri [On Iconography of the Image of a Horseman in the Visual Tradition of Western Siberia]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2020. №1 (29). Pp. 71–87.

Soenov V.I. Arheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoj epohi (opisanie, sistematika, analiz) [Archaeological sites of the Altai Mountains of the Xiongnu-Sarmatian Era (description, systematics, analysis)]. Gorno-Altajsk : In-t altaistiki im. S.S. Surazakova, 2003. 159 p.

Taskin V.S. Materialy po istorii syunnu. Vyp. 1 [Materials on the History of the Xiongnu. Vol. 1]. M. : [B.i.], 1968. 177 p.

Tishkin A.A. Predmety torevtiki hunnskogo vremeni iz pamyatnika Yaloman-II (Central'nyj Altaj) [Xiongnu Toreutics from the Yaloman II Site (Central Altai)]. *Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul'turah Evrazii* [Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2010. Pp. 40–45.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Issledovaniya pogrebal'no-pominal'nyh pamyatnikov kochevnikov v Central'nom Altae [Investigations of the Funerary and Memorial Sites of Nomads in Central Altai]. *Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*. T. IX. Ch. 1 [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. IX, Part 1]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2003. Pp. 488–493.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Predmetnyj kompleks iz pamyatnika Yakoman-II na Altae kak otrazhenie material'noj kul'tury hunnu [The Object Complex from the Yakoman II Site in Altai as a Reflection of the Material Culture of the Xiongnu]. *Sociogenez v Severnoj Azii* [Sociogenesis in North Asia]. Irkutsk : IrGTU, 2005. Part 1. Pp. 327–333.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Gornyj Altaj v hunnskoe vremya: kul'turno-hronologicheskij analiz arheologicheskikh materialov [The Altai Mountains in the Xiongnu Time: Cultural-Chronological Analysis of Archaeological Materials]. *Rossijskaya arheologiya* [Russian Archaeology]. 2006. №3. Pp. 31–40.

Turbat C. Mogily ryadovyh hunnu [Graves of Ordinary Xiongnu]. Ulan-Bator : Gos. un-t obrazovaniya Mongolii, 2004. 180 p.

Umanskij A.P. Pogrebenie epohi «Velikogo pereseleniya narodov» na Charyshe [Burial of the Era of the “Great Migration of Peoples” on the Charysh]. *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoj Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 129–163.

Hudjakov Yu.S. Hunny na Sayano-Altai [The Xiongnu in the Sayano-Altai]. 100 let gunnskoj arheologii: Materialy Mezhdunar. konf. Ch. 1 [100 Years of the Xiongnu Archaeology: Materials of the Intern. Conf. Part 1]. Ulan-Ude : Olzon, 1996. Pp. 40–42.

Ceveendorzh D. Novye pamyatniki hunnskoj znati (Mongoliya) [New Sites of the Xiongnu Nobility (Mongolia)]. 100 let gunnskoj arheologii: Materialy Mezhdunar. konf. Ch. 1 [100 Years of Xiongnu Archaeology: Materials of the Intern. Conf. Part 1]. Ulan-Ude : Olzon, 1996. Pp. 13–16.

D.G. Savinov

Saint Petersburg State University, Institute of History, Saint Petersburg, Russia

**THE SEQUENCE AND DYNAMICS
OF THE SPREAD OF THE INFLUENCE
OF XIONGNU TRADITIONS FROM EAST TO WEST
(and from West to East?)**

The question of the relationship between the Central Asian Huns (Xiongnu) and the Eastern European Huns, despite a large number of works devoted to this, remains debatable. In the article, based on the archaeological sources considered in the historical context, it is solved positively; the following sequence of its consideration is established. The author substantiates the concept of the “Hun triad” (certain types of weapons, jewelry, bronze cauldrons), which characterizes the ranked military subculture of the Hun. The article deals with the cultural features of the immediate environment of the ethnic and social Association of Hunnu-Tuva, Minusinsk basin, and Gornyj Altaj (conditionally – “near circle”). The article presents archaeological data on the spread of the carriers of this cultural complex to the territory of Western Siberia (according to L.N. Gumilyov), namely the Sargat cultural and historical community (conditionally-“far circle”), which became the place of Exodus of the descendants of the Xiongnu/Huns when moving to the West. The author traces the preservation of elements of the military subculture of the Huns in the materials of Eastern European nomads (according to I.P. Zasetsky), with the replacement of the iconic types of jewelry – bronze products to the product of the polychrome style. For the first time the article raises the question about the possibility of “reverse” movement of the Huns to Central Asia, followed closely by manifestations of old traditions, first and foremost, the findings of polychromatic products in a number of sites of the East of the Urals and Kazakhstan, Western Siberia and Altai.

Key words: Hunnu, culture, onion, cauldrons, ornaments, ranked complex, tradition, Western Siberia, Altai